

книгой собранный им ценнейший топонимический материал, который в абсолютном большинстве своем еще не нашел печатного воплощения. Он будет интересен и для исследователей, занимающихся изучением материальной и духовной культуры народа.

Наконец, весьма ценный материал представлен в «Кратком историко-этимологическом словаре топонимов» (с. 201—238). Автором привлечено 300 названий, причем наряду с известными и устоявшимися этимологиями отдельных топонимов, многие географические названия этимологизируются впервые.

В целом книга М. Г. Атаманова «История Удмуртии в географических названиях» оставляет очень благоприятное впечатление. Бесспорно, она является значительным вкладом как в удмуртскую ономастику, так и в финно-угорскую ономастику в целом. Материалы монографии будут интересны и полезны не только специалистам в области финно-угорского языкознания, но и всем, кто интересуется историей своего края.

Хотелось бы пожелать автору, чтобы он продолжил свои интересные исследования и порадовал читателей новыми работами в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

Кельмаков В. К. 1997. [Рец. на] М. Г. Атаманов. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов.

Научный доклад, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола 1996. — LU XXXIII. 234—237.

Л. Л. КАРПОВА (Ижевск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1999.3.10>

Г. М. Тужаров, Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1998. 80 с.

15 октября 1998 года на заседании диссертационного совета Д.064.44.01 при Марийском государственном университете состоялась защита научного доклада на тему «Грамматические категории имени существительного в марийском языке» профессором Марийского педагогического института Г. М. Тужаровым. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессора З. Г. Зорина (Йошкар-Ола), М. В. Мосин (Саранск), Л. Ш. Арсланов (Елабуга).

Г. М. Тужаров — известный в финно-угроведении исследователь морфологических категорий. По этой теме он опубликовал много статей и монографию «Грамматические категории имени существительного в марийском языке» (Йошкар-Ола 1987). Научный доклад представляет собой изложение основных положений его исследований.

Подробное исследование грамматических категорий существительных марийского языка весьма актуально. До настоящего времени во многом здесь еще нет определенности, нет единства мнений среди исследователей относительно количественного состава падежей, отсутствует подробное описание их функций, не изучены вопрос о т.н. немаркированных именах, их грамматический статус в системе падежей, до конца не выявлены закономерности употребления форм чисел и т.д. Словом, многие теоретические вопросы, относящиеся к категории существительных марийского языка, требовали всестороннего и глубокого изучения. Проблемы эти в значительной степени разрешены в исследованиях Г. М. Тужарова, в частности, в рецензируемом научном докладе.

В докладе достаточно много внимания уделено проблеме определения морфологических категорий. Г. М. Тужаров пришел к выводу, что понятия «грамматическая категория», «морфологическая категория» в марийском языке исследователи трактуют очень широко. В него включаются и части речи, и их лексико-грамматические разряды, и собственно морфологические категории, а также отдельные компоненты морфологических категорий. При таком понимании грамматических категорий нарушается тот общий принцип, в соответствии с которым категория определяется как класс однородных предметов, понятий, отношений и т.д. Г. М. Тужаров прав, утверждая, что называть одним и тем же термином «грамматическая категория» как классы слов, так и их признаки недопустимо. Морфологическими грамматическими категориями имен существительных в марийском языке он считает только категории падежа, притяжательности и числа. Конкретные падежи он квалифицирует как компоненты категории падежа. А части речи — это грамматические классы слов. Каждая часть речи имеет свой комплекс грамматических категорий. В пределах каждой знаменательной части речи выделяются лексико-грамматические разряды слов. У существительных — это одушевленные и неодушевленные, вещественные, собственные, нарицательные слова и т.д. Теория морфологических категорий марийского языка в докладе освещена убедительно, на современном научном уровне.

Говоря о категории падежа, Г. М. Тужаров верно отмечает, что проблема системы падежей марийского языка, их функций в истории марийского языкознания всегда служила предметом дискуссий. Г. М. Тужаров впервые в марийском языкознании более или менее объективно установил систему падежей марийского языка. Она не вызывает принципиальных возражений. Но подробнее он все-таки не остановился на вопросе, являются ли некоторые морфологические компоненты (имеются в виду т.н. первичные послелоги) словоизменительными аффиксами или послелогами. Вопрос этот интересен в теоретическом пла-

не. Поэтому, как нам кажется, было бы полезно порассуждать о том, что собою представляют в действительности послелоги типа *гыч, гоч, деч, дене* и т.д. Как известно, в финно-угроведении существует и иная точка зрения по данной проблеме.

Говоря о падежах марийского языка, хочется все же отметить, что в настоящее время существует несоответствие между тем, что имеется в языке, и тем, как это отражено в грамматиках. В литературном языке Г. М. Тужаров выделяет 9 падежей, исследовал он также абессив. Следует заметить, что очень глубоко и всесторонне он изучил падежные функции, принципиально отличая их от синтаксических функций членов предложения. Найдены и описаны такие функции марийских падежей, которые не упоминаются ни в одной грамматике, ни в одном научном труде.

При описании падежной системы марийского языка исследователь исходил из понимания падежа как единства формы и содержания. На наш взгляд, он правильно исключает из системы падежей аппроксиматив, элатив, а также неопределенный аккузатив и дополняет ее комитативом, компаративом и абессивом, которые в имеющихся научной и школьной грамматиках не выделяются.

Концепция Г. М. Тужарова о категории падежа, падежных значениях марийского языка в целом последовательна и научно обоснована и соответствует современным представлениям. Она сводится к следующему. В марийском языке падеж — одна из основных и важнейших морфологических категорий. Он характеризуется исключительно высокой степенью регулярности формальных противопоставлений и весьма тесной связью с формально-смысловой организацией единиц синтаксического уровня. Но падеж — это морфологическая категория. И это обстоятельство требует анализировать семантику падежа с морфологической точки зрения. Важно установить закономерности формально-смысловой организации падежной формы. Синтаксический подход к падежу, доминирующий в научной грамматике марийского языка (1961), не ставит такой за-

дачи. Это задача морфологического подхода к языку, в рамках которого решается вопрос об особом морфологическом содержании категории падежа.

Представляют серьезный научный интерес рассуждения Г. М. Тужарова о формах винительного падежа. В марийском языкознании, можно сказать, прочно укрепились мысли о существовании двух форм аккузатива. Автор доклада не считает объективным подобное представление: на определенные и неопределенные предметы в равной степени могут указывать как немаркированные имена, так и имена с аффиксом *-м*. Номинатив и аккузатив прямого дополнения не различаются по своей семантике. Выделение винительного неопределенного (неоформленного) и винительного определенного не подтверждается языковыми фактами. В современном марийском языке, считает автор, имеется только один винительный падеж — морфологически оформленный *м*-овый аккузатив.

Г. М. Тужаров убедительно доказал, что и немаркированные имена в марийском, как и в прибалтийско-финских и других языках, могут указывать на вполне определенный и конкретный объект, конкретный предмет и определенное лицо: *Мый аваем тўналым шупшалаш* 'Я начал целовать мать свою'. Считаем объективным вывод Г. М. Тужарова о том, что немаркированные имена в функции прямого объекта являются формами номинатива. Прямое дополнение, как показал исследователь, может выражаться в форме как именительного, так и винительного падежей. Номинатив и аккузатив прямого дополнения не различаются по своему падежному значению и семантике. Такой вывод он обосновывает не только анализом современного языкового материала, но и типологическим сопоставлением фактов родственных и неродственных языков, привлечением данных истории языка, сравнительно-историческими изысканиями. Г. М. Тужаров резонно утверждает, что анализ языкового материала по теории «неопределенного аккузатива» приводит к выводам, которые вступают в противоречие с логикой, с теорией о падежах. Непоследовательность сторонников неоп-

ределенного аккузатива заключается в том, что немаркированные имена, соответствующие по синтаксической функции аккузативу, они называют неопределенным винительным падежом, а немаркированные имена, соответствующие, например, генитиву, считают номинативными формами. Автор убедительно доказал, что эти группы немаркированных имен по характеру функционирования и по происхождению представляют собой форму именительного падежа. Г. М. Тужаров прав, что, признавая неоформленный аккузатив, мы должны были бы признать также неоформленный генитив (*Тыланда Шкетан (= Шкетанын) возымоты кнага келшыш, уке?* 'Вам понравилась книга Шкетана?'), датив (*Учительын верже школышто, учитель (= учительлан) орол пўртыш коштан огыл* 'Место учителя в школе, учитель место не в сторожке') и компаратив (*варажы мырым мырен кукуок* 'потом пела песню, как кукушка'). Подобное употребление форм номинатива вместо форм генитива, датива, компаратива и других падежей осуществляется в соответствии с морфологическим строем марийского языка и не противоречит его закономерностям. Поэтому немаркированные имена на современном этапе правильнее рассматривать как формы номинатива.

Подробно представлены в докладе закономерности функционирования категории числа. Отмечено, что в марийском языке для форм единственного числа существительных с выраженной противоположностью по числу характерны две закономерности: 1) регулярно наблюдается соотносительность с реальной единичностью; 2) соотносительность с реальной единичностью может отсутствовать. Имя существительное без показателя множественности в подобных случаях может выражать весь класс, род живых существ и предметов в целом. Форма единственного числа употребляется в обобщенно-собирательном значении, выполняя функцию формы множественного числа. Такой способ выражения множественности в марийском языке весьма продуктивен.

В научной литературе утверждает, что существительные с отвлеченным

значением, вещественные существительные, слова, выражающие явления природы, парные предметы и т.д., употребляются только в форме единственного числа. Г. М. Тужаров на конкретных языковых фактах доказал, что существительные названных групп могут употребляться и в форме множественного числа, что слова в форме множественного числа несравненно чаще употребляются в горном наречии. Но на современном этапе и в луговом варианте литературного языка формы множественности под влиянием русского языка заметно участились.

По многим аспектам по-иному, чем в грамматиках, анализируется грамматическая категория притяжательности, с помощью которой одновременно могут быть выражены и предмет обладания, и его обладатель. Однако, как показал исследователь, необходимо иметь в виду, что существующие определения категории принадлежности как совокупности аффиксов, выражающих отношение обладаемого к обладателю, неправомерно акцентируют значение реальной принадлежности. Грамматическое значение формы не всегда совпадает с лицом реального обладателя. Ср. *тувырем* 'моя рубашка', но *эле* 'моя страна'. Термин «принадлежность» в марийском языке — условный. Он передает не только понятие собственности в его юридическом смысле, но и целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим.

Содержательно описаны состав и функции притяжательных суффиксов. Убедительно показано, что посессивные суффиксы в современном марийском языке могут указывать не только на множество обладателей, как считают многие исследователи, но и на множество обладаемых предметов. Автор предполагает, что притяжательные суффиксы множественного числа для выражения множества предметов обладания более регулярно употреблялись в древнейшие периоды развития марийского языка. В современном марийском языке множеством обладаемых преимущественно выражается с помощью показателей *-влак*, *-шамыч* и т.д. Но для выражения дистрибутивного множества предметов обла-

дания притяжательные суффиксы множественного числа продуктивны и на современном этапе развития языка. Автор обращает внимание на следующие закономерности: 1) в марийском языке регулярны случаи, когда в притяжательной конструкции суффикс *-шт* выражает множество предметов обладания, а обладатель и при обладаемом в форме 3 л. мн. ч. регулярно употребляется в форме единственного числа: *Олянан пörтыш пырымж годым йолташышт чыланат пич маленыт* 'В тот момент, когда Оляна зашла в избу, все ее товарищи крепко спали'; 2) притяжательный суффикс 3 л. мн. ч. употребляется в функции показателя числа, выражая при этом множество предметов и вне посессивной конструкции: *Пörьенгышт кушто улыт?* 'Где мужчины?'

Г. М. Тужаров подробно исследовал вопрос об употреблении посессивных аффиксов в функции указательно-выделительных, эмфатических, эмоционально-экспрессивных частиц, в случаях т.н. анафоры и другие проблемы грамматической категории притяжательности.

Морфологические нормы существительных являются частью норм литературного языка. Но они пока исследованы еще недостаточно. Грамматики марийского языка очень часто составлялись по моделям русской грамматики, поэтому многие особенности марийского языка оставались «не замеченными». Г. М. Тужаров сумел отойти от подобного подхода, именно поэтому его работа изобилует новыми наблюдениями и неординарными выводами. Выявление и описание реальных закономерностей марийской грамматики — одно из важных условий дальнейшего совершенствования литературного языка. На современном этапе многие теоретические положения морфологии, в частности существительных, не нашли отражения в грамматических нормах литературного языка. Зачастую они сформулированы без достаточного учета языковых данных и речевой практики и потому вступают в противоречие с объективно существующими реалиями языка, что негативно отражается на развитии норм литературного языка. Научные изыскания автора доклада, несомненно, будут способствовать

дальнейшему совершенствованию грамматических норм литературного языка.

Исследования Г. М. Тужарова по грамматическим категориям имени су-

ществительного — это крупный вклад не только в марийское, но и в финно-угорское, а также в общее языкознание.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

Е. И. Ромбан্দеева, Структура современного мансийского (вогульского) языка. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1998. 61 с.

15 октября 1998 года на заседании Диссертационного совета Д 064.44.01 при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа Евдокией Ивановной Ромбан্দеевой в форме научного доклада на тему «Структура современного мансийского (вогульского) языка». Официальные оппоненты — доктора филологических наук профессора Ю. В. Андуганов (Марийский университет), В. К. Кельмаков (Удмуртский университет) и доктор филологических наук Г. И. Лаврентьев (МарНИИ).

Научный доклад Е. И. Ромбан্দеевой посвящен исключительно важной теме — описанию фонетической системы и грамматического строя мансийского языка в его северном диалектном варианте. Актуальность темы не нуждается в обосновании, ибо всестороннее описание наречия, послужившего базой для современного новописьменного мансийского литературного языка, имеет огромное теоретическое и практическое значение в деле совершенствования его норм, уточнения графики, орфографии и т. д.

Небезынтересно отметить, что различные диалекты мансийского языка уже были объектом изучения начиная с середины XIX столетия, однако материалы и исследования по ним принадлежали перу преимущественно зарубежных (венгерских, финских, немецких и др.) финно-угроведов, из отечественных же — тоже не носителей языка. Например, в библиографическом справочнике по мансийскому языку (фольклору и этногра-

фии), составленном Б. Кальманом (Kálmán 1970 : 18—26), среди 217 публикаций 173 принадлежат зарубежным ученым и лишь 44 отечественным. На фоне этого факта весьма отраднo появление довольно продуктивного (в списке публикаций свыше 130 наименований) мансийского исследователя своего родного языка и фольклора, каким является Е. И. Ромбан্দеева. И еще одна особенность характерна почти для всех крупных исследователей мансийского языка — они одновременно занимаются изучением фольклора, этнографии (и истории) мансийского народа: не является исключением и Е. И. Ромбан্দеева: в списке ее трудов не только работы по строгой лингвистике, но и учебники и учебные пособия по мансийскому языку, статьи о фольклоре и публикации фольклорных текстов, этнографические эссе, переводы художественных произведений и политических текстов и т. д. (с. 54—59)¹.

Доклад Е. И. Ромбан্দеевой состоит из следующих основных разделов (глав): «Фонология», «Морфонология», «Словообразование», «Морфология», «Синтаксис», помимо того, имеются и такие традиционные разделы, как «Введение», «Заключение», «Условные сокращения» и «Список опубликованных трудов». Структурирование основной части доклада в значительной степени отвечает

¹ Здесь и далее в круглых скобках без указания на источник приводятся страницы рецензируемой работы.